

Дмитрий Кондрашов

Кондрашов Дмитрий Леонидович (15.05.1963–18.12.2009) родился в Челябинске. Закончил филологический факультет Челябинского государственного университета. Публиковался в журналах «Юность», «Несовременные записки», «Уральская новь». Работал киоскером, репетитором, корреспондентом, литературным критиком, заведующим литературной частью в театре «Манекен», корректором. Посмертно вышла книга стихов и воспоминаний о поэте «Отдаленное представление» (Челябинск, 2010, 100 экз.). Участник АСУП-1,2. Жил в Челябинске.

Филологическая маркировка стихов Д.К.

Традиции, направления, течения: «филологическая» поэзия, постконцептуализм, постмодернизм.

Основные имена, влияния, переклички: А. Ерёменко, Д. Пригов. В случае с Д. Кондрашовым вопрос о перекличках – особенно в I томе – стоит остро, поскольку можно говорить о влиянии так или иначе всей литературы, смешение пластов которой становится целенаправленным приёмом. Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: «тоска по мировой культуре», характерное предощущение «смерти» как «эксперта, специалиста по трём дисциплинам», мотив тюрьмы, несвободы.

Основные формальные приёмы, используемые автором: эллипсис, приём внутрисловного и внутрисклонового анжанбемана, реминисценция классических формул, орфографическая девиация.

Творческая стратегия: тенденция к освобождению от «нормативности» речи и человеческой закрепощенности в отталкивании от классических источников, ощущение «птичьего» языка как единственно индивидуального; филологическое перетасовывание, превалирующее над смыслом.

Динамика: в стихах из 2-го тома антологии усиливаются некротические мотивы, «вавилонское» смешение реминисценций уступает место ясно-

сти прозрений и выверенности художественного пространства стиха. Изменения оказались пропорциональны биографическому опыту поэта, что позволяет видеть в стихах профетический смысл.

Коэффициент присутствия: 0,63

Н.В. КОНДРАШОВА

«Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ ВАМ О НЁМ...»

Диме было 7 лет, когда он задал мне вопрос: «Мама, а может один человек прожить 123 года, а другой – 100 лет?». «Это ты о нас с тобой?» – спросила я его. Дима засмеялся и кивнул головой. Он хотел, чтоб вся его жизнь прошла при моей жизни. Но судьба распорядилась жестоко – не дала ему прожить даже половины того срока, который он себе наметил. 18 декабря 2009 года в возрасте 46-ти лет Дима умер от второго инфаркта.

Дима родился в Челябинске. Родители, Кондрашов Леонид Гаврилович и Котова Нина Валерьяновна, родились в Оренбургской области, Леонид – в селе Акбулак, а я – в селе Красный Холм. Дед Димы по отцу, Кондрашов Гаврил Иванович, – русский, родился в посёлке Весёлый Акбулакского района Оренбургской области.

Прадед и прабабушка, Витебск, начало XX века

Бабушка и дед

Бабушка, Мария Мироновна, – украинка. Родилась в Башкирии, куда её родители переехали ещё в конце XIX века. Но в 1921 голодном году жизнь в Башкирии стала невозможной: орудовали банды, которые вырезали целые семьи, крали скот и птицу. Пришлось бросить дом и уехать.

Димин прапрадед с моей стороны был крупным лесопромышленником. Имел много сыновей и, чтобы избавить их от службы в армии, слегка изменил некоторым фамилию. Так что среди возможных родственников имеются Фрумины, Фрумкины и т.д.

Прадед Димы, Фрумин Борух Абрамович – еврей. Он окончил гимназию, выучился на провизора. Каким-то образом попал в Витебскую область. Там 20 декабря 1911 года у Боруха Абрамовича и Фаины Марковны (тоже еврейки) родилась дочь Соня – Димина бабушка, Софья Борисовна.

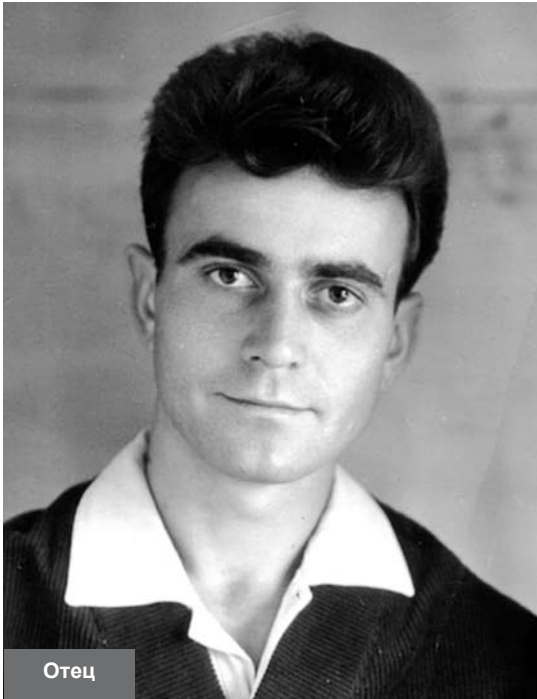
Другой прадед Димы – Сергей – жил в глухой деревне Пындино Смоленской области. В этой деревне крестьяне даже фамилий не имели, а только прозвища. Прадед Сергей получил прозвище Кот. Женился прадед на девушке из слободки Смоленска. У неё была фамилия – Глазунова (её отец и братья были каменотёсами – в их деле верный глаз был очень нужен). А вот в Пындино у неё уже фамилии не стало.

Было у них 7 детей: 3 сына и 4 дочери. На всех-про всех была небольшая полоска земли. Хлеба хватало только на 2–3 месяца. А потом детям одевали холщовые сумки и посылали «побираться» – просить милостыньку. Димин дед приносил домой больше всех кусочков. Он не умел просить: постучит в дверь, опустит голову и молчит. А таких крестьянам ещё жальче было. Дед родился в 1905 году и при крещении получил имя Аверкий. Сыновей с 10 лет посылали в школу в соседнюю деревню – за 10 км (дочерей не учили). Все дети

из Пындино в школе были Маевские. Видимо, при крепостном праве это была деревня помещика Маевского. Когда дед окончил два класса, – наступила революция. Сначала после этого дед стал Сергеевым по имени своего отца. После первой переписи при Советской власти всем в деревне дали фамилии по прозвищу. Прадед получил фамилию Котов. И, следовательно, дед Димы стал Котовым. Когда дед получал паспорт, ему сказали, что Аверкий – это испорченное имя Аверьян и в паспорте записали: Аверьян Сергеевич Котов. Старший сын деда – Александр Аверьянович Котов. Паспорта в те годы меняли каждые 5 лет. К этому времени семья жила в Оренбургской области. В паспортном столе Котову А.С. сказали, что Аверьян – это испорченное от Валерьян. Поэтому я ношу отчество Валерьяновна. Во время войны деду записали в военном билете Валерий Сергеевич. А после войны паспорт выдали согласно военному билету. Когда же пришло время оформлять пенсию, ему пришлось доказывать, что все три имени относятся к одному человеку.

Аверьян Сергеевич и Софья Борисовна работали учителями начальных классов и познакомились на августовской конференции учителей. В 1930 году они поженились. Высшее образование оба получили заочно. Как-то я приехала к родителям в Черниговку и отправились мы в село Магнитное. Едем на телеге – папа, мама и я, а навстречу нам – красивый паренёк, который спросил у моих родителей дорогу на Черниговку. Как потом, спустя годы, говорили мои родители, им одновременно пришла в голову одна и та же мысль: «Вот бы нам такого зятя!». Мне он тоже понравился. Лёня выглядел очень молодо. Я и подумала, что ему лет 18. Как потом выяснилось, он был старше меня на 3,5 года. Когда я уехала на учёбу в Курган, он пришёл к моим родителям и попросил у них мой адрес. Через год мы поженились. В марте, во время моего декретного отпуска, мы с Лёней нашли квартиру в Челябинске в частном доме по ул. Лесной. Это была комната длиной 5 м, шириной 1,5 м. На этой территории ещё находилась печка, которую мы топили углём. Вот в эту квартиру Дима и попал после того, как нас выписали из роддома. Уголь у нас к этому времени кончился. Хорошо, что на улице в эти дни было очень тепло. В квартире же нашей было холодно. Поэтому мы отломали у одного чемодана крышку, положили чемодан на стол, в чемодан – Диму, и открыли окно, чтобы было теплее. Потом в эту же квартиру приехали мои родители.

1963 год оказался для Челябинска тяжёлым годом: в продаже было лишь порошковое молоко. Поэтому я приняла решение: уехать вместе с Димой в Акбулак, к родителям мужа: у них была корова. Так с 2-месячным ребёнком мы приехали в Акбулак. Там я стала преподавать математику в

Отец

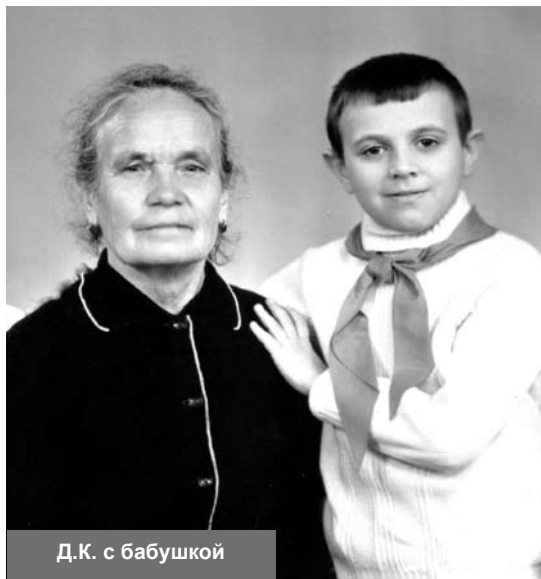

Мама

вечерней школе. Тетради учеников приходилось проверять тоже без отрыва от Димы. Свёкор со свекровью были в это время заняты по хозяйству: у них была корова, телёнок, свиньи, овцы, куры. Димиными друзьями в Акбулаке были с его двухмесячного возраста мальчишки и девчонки на 5, 7, 9 лет старше. Они приходили к нам и просили: «Можно, мы Диму в коляске покатаем?». Я разрешила. Они его увозили, а потом за углом кто-либо из старших детей брал Диму на руки, а в коляске они катали друг друга. Когда Дима стал ходить, он сам бегал к ним в гости. Они ему показывали буквы. Иногда он садился мне на колени и спрашивал, что я делаю. «Пишу», – отвечала я. «А что ты пишешь?» – «Буквы». «А какие буквы?». Ну и показала, как пишутся 2–3 буквы. Ему ещё не было трёх лет, а он знал все буквы. Прежде всего он прочитал все те книжки, которые мы ему читали. Потом книгу Корнея Чуковского «От двух до пяти» (некоторые словечки детей к нему приклеились), алгебру для 6–7 классов, физику для 7-го класса. Физика понравилась, а вот алгебра – нет. Когда Диме исполнилось 4 года, меня уговаривали отдать сына в школу. Я сказала, что не собираюсь лишать ребёнка детства. Но учительница первого класса привела его в свой класс. Дима тихонько сидел весь урок, рисовал. А потом мне сказал: «Мама, они там всё «М-м», а я знаю, что там «мама» написано». В 5 лет Дима писал бабусе письмо: «Здравствуй, бабуся Маруся! У нас всё по-старому и по-новому: по-старому, что валенки мои и мамины порвались, а по-новому, что мама пошла в магазин и купила мне новые. Всё, рука

устала, бросаю писать. Крепко целую. Твой внук Дима».

В 6 лет после того, как Диме сделали прививку КДС, у него отнялись руки, ноги. Пока он лежал в больнице, заведующая детсадом лишила его места в садике. Мамаши той группы, в которую ходил Дима, сказали: вымогает подарок. Я решила: «Да чтобы я унижалась перед такой особой! Ничего. Ребёнок уже большой. Посидит дома». Перед тем, как я уходила на работу, Дима просил, чтобы я ему написала примеры на сложение, вычитание, умножение. И в течение дня то решал, то читал, рисовал, то что-то лепил из пластилина. Как-то попалась ему алгебра за 6–7 классы – он разобрался в отрицательных числах. В другой раз ему на глаза попалась арифметика для 5–6 классов – он освоил дроби. Затем он прочитал книгу «Путешествия по Карликании и Альджебре». После этого он научился возводить в любую степень и извлекать корни. Но когда Дима прочитал книгу «Занимательно об электронике», я решила отдать его в первый класс. 8-го апреля 1970 года я привела Диму в школу, чтобы он походил как вольнослушатель. Через 8 дней его внесли в журнал. А когда мы переезжали в Челябинск, то в табель успеваемости внесли оценки за третью и четвертую четверти. В Челябинске Дима пошёл в школу № 41. После первой четверти решением педсовета Дима был переведён в третий класс. Но вот когда в следующем году директор школы среди года хотел перевести Диму из четвертого класса в пятый, я была против: а если на фоне перегрузки что-нибудь с ним случится?! На это директор сказал:

Д.К. с бабушкой

«Ну тогда переводите его в математическую школу». В пятый класс он пошёл в математическую школу № 31. Я и в старой школе просила учительницу русского языка снижать ему оценки за «грязь» – она не соглашалась. В математической школе с той же просьбой обратилась к учительнице русского языка и литературы, Табашниковой Лине Корниловне. Она решила вопрос по-своему: для ряда мальчиков полгода вела занятия по каллиграфии. Именно благодаря Лине Корниловне Дима приходил и говорил: «Мама, ты не подумай, что я математике изменяю. Но литература и русский – это же так интересно!». Да, он математике не изменял. Участь в пятом классе (по возрасту третьеклассник), Дима принял участие в телевизионной олимпиаде по математике для 8–10-х классов и получил призовое место. То же было и на следующий год.

С трёх лет сын просил меня купить ему какой-нибудь музыкальный инструмент. Нарисует балалайку: «Такую купи!». Я мотаю головой. Тут же рисует рояль: «Ну такой купи!». То же самое повторялось, когда он рисовал скрипку, гитару, баян, аккордеон, домбру. «Ну почему – нет?» – спрашивал Дима.

Когда мы переехали жить в Челябинск, Дима ходил к логопеду (он картавил). И однажды в помещении школы, где проходили эти занятия, увидел объявление: «Объявляется набор в вечернюю музыкальную школу». Он спросил техничку: «Где можно увидеть директора музыкальной школы?» Техничка указала, Дима поговорил с директором и принёс домой форму для заполнения, что, если Дима пройдёт в музшколу, я обязуюсь аккуратно платить за учебу. Я заполнила заявление. В конце мая 1971 года Дима сказал, что 26 мая состоится прослушивание всех тех, кто хотел бы поступить

в музыкальную школу, но приходиться необходимо с родителями. А вот о том, что в объявлении было написано «Приём с 9 лет», он скромно умолчал. Диму прослушивать даже не собирались: он для своих 8 лет был очень маленьким, носил костюм 28 размера, брюки пришлось укоротить на 5 см. Видимо, музыканты посчитали его 5-летним. Мне сказали: «Куда же Вы такого маленького!» Я ответила: «Диме девятый год. Вы же двух девочек прослушали, которым тоже девятый год»... «Наша школа вечерняя. Программу 7 лет нужно пройти за пять. Поэтому мы принимаем детей, которые окончили два класса и могут уже довольно быстро писать». Я им на это сказала, что Дима переходит уже в четвертый. «Вечно этим мамам из одного ребёнка нужно делать десять!» – возмутились преподаватели.

Я им объяснила, что в музыкальную школу хочет сам Дима, а я не могу определить, есть ли у него музыкальный слух. Кроме того, я не в состоянии покупать такие дорогие игрушки, как пианино. И Диму прослушали, а потом сообщили: «У Вашего сына абсолютный музыкальный слух». В тот же год без дальнейших прослушиваний его приняли в музыкальную школу.

К этому времени мы разошлись с Леонидом (через три недели после того, как я заставила его лечиться от алкоголизма, он вновь начал пить). Вместо алиментов зачастую приходили бумаги типа: «С 1 по 19 – прогул. Уволен по собственному желанию». Поэтому, подрабав, я с трудом купила Диме подержанный инструмент. Дима уже с первого класса музыкальной школы начал писать музыку.

Дима и в седьмом, и в восьмом-девятом классах успешно выступал на математических олимпиадах. Но вот решать в классе 15–20 однотипных задач ему было скучно. Он, конечно, выполнял все задания, но поступать на физмат университета не хотел: «Там тоже будет натаскивание на однотипных задачах». Самодельный композитор – преподаватель музыкального училища, который занимался с Димой после окончания музыкальной школы, предлагал Диме пойти в музыкальное училище, а потом в консерваторию. Дима же после окончания музыкальной школы стал ходить в детское литературное объединение «Алые паруса», и когда литобъединение поехало на «Бажовские дни» в Свердловск, он зашёл там в Союз композиторов. Сказал, что пишет музыку, у него есть песни, вальс. И спросил, посоветуют ли они ему поступать в музучилище, а потом в консерваторию. В ответ ему сказали: «Написать музыку – одно, а пробить её – другое». Дима приехал из Свердловска и сказал: «В музучилище я не буду поступать. Я не пробивной, и потому не хочу всю жизнь чувствовать себя непризнанным гением». Он решил поступать на филологиче-

ский факультет университета, а не пединститута, так прокомментировав своё желание: «Я не хочу быть таким ограниченным, как наша учительница литературы Ирина Ивановна».

В мае меня вызвала в школу классная руководительница Людмила Андреевна. Она повела меня в кабинет директора, а там уже ждала учительница литературы Ирина Ивановна. Оказывается, вызвали меня по поводу Диминого сочинения «Нравственные уроки Великой Отечественной войны». Один из уроков он разобрал на основе книги Анатолия Кузнецова «Бабий яр». «Ваш сын интересуется запрещённой литературой. Из всех библиотек книгу изъяли 8 лет назад, а вот Ваш сын у кого-то достал эту книгу. Скажите, где, у кого он достал эту книгу?» – «Дома. В журнале «Юность». Я читала это произведение и никакой крамолы не вижу».

На экзаменах было сделано всё, чтобы Дима забыл об университете. Когда после экзамена по математике сын пришёл из школы, он сказал, что всё решил правильно. Вероятно, будет пятёрка ну, в крайнем случае, четвёрка. А когда объявили оценки, у него оказалась тройка. Я когда-то работала завучем в средней школе. Знаю нормативы оценок. Но не пошла разбираться в школу. Я просто сказала Диме: «Никто тебя не будет дома ругать за оценки. Сдавай спокойно. Школу ты окончил хорошую, знания получил. Так что всё будет зависеть от сдачи экзаменов в университете». Диме основательно подпортили аттестат. Экзамены в университет Дима сдал лучше всех и был принят – с полупроходным баллом.

В 1979 году Дима начал ходить в литературное объединение, которым руководила поэтесса Наталья Рябинина. Вскоре она сказала, что ходит в университет только из-за Димы – пусть лучше Дима ходит в литературное объединение «Экспресс», которым она руководит. В это литобъединение ходили уже более взрослые люди. После смерти деда, В.С. Котова, мы с Димой совмещали весеннюю сессию с работой в саду: работали с 6 утра до 6 вечера, а затем до 11 часов готовились к экзаменам (в тот год, когда Дима поступил в университет, я тоже поступила в ВЗФЭИ). Наша семья имела небольшой бюджет, а жили мы в кооперативной квартире, за которую платить нужно было гораздо больше, чем за казённую. Поэтому овощи и ягоды выращивали на садовом участке. Часть яблок Дима продавал на базаре, чтобы заработать на обувь и одежду для нас.

Университетский диплом Дима получил с интересной опечаткой: «Горд Челябинск». Диме вообще везло на опечатки. По окончании университета он был принят в комитет по радио и телевидению с записью «стенографист на время декретного отпуска».

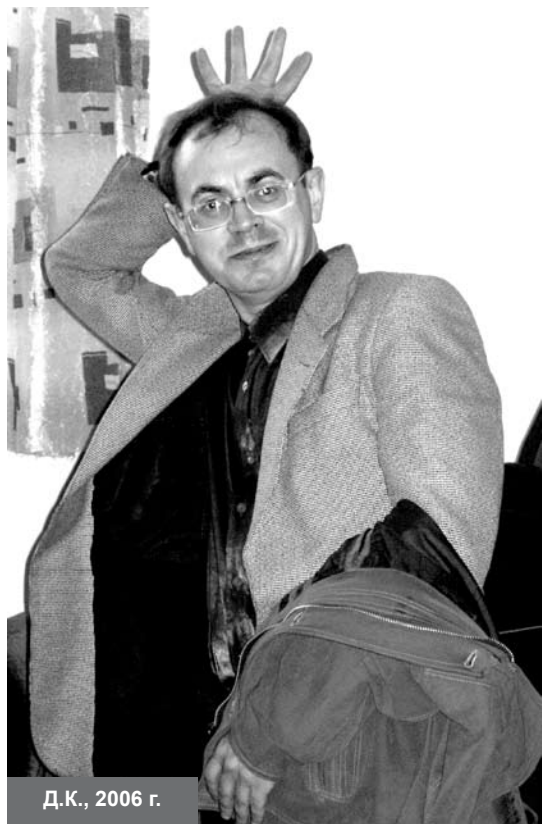
В годы учебы Дима дружил с одной девушкой.

Когда он сделал ей предложение, то получил в ответ: «Как запасной вариант сойдёт!». Дима мягкий человек, но с принципами. «Мама, она оскорбила меня и даже не заметила этого. Я её ни словом, ни делом не хочу оскорблять, но и запасным вариантом я не хочу быть. Выходит, что она не любит меня, но может выйти замуж только для того, чтобы остаться в Челябинске. Родятся дети. А она возьмёт и влюбится в кого-то и уйдёт к нему вместе детьми. А мне остаётся только одно – платить алименты. Я своих детей хотел бы сам растить».

Он тут же уволился из комитета по радио и телевидению и уехал работать в г. Миасс в газету «Миасский рабочий» корректором, комментируя свой переезд так: в Миасс ей не захочется. Вернулся в Челябинск только после её замужества. Отпечатал всю её дипломную работу на своей печатной машинке. Когда у неё уже было двое детей, она призналась Диме, что сморозила глупость в тот давний час.

В 1989 году Дима был на съезде молодых поэтов. Два или три его стихотворения были напечатаны во 2-м номере журнала «Юность» за 1990 год.

В августе 1991 года Дима ездил в гости в Ленинград к другу (познакомились они летом 1990 года, когда вместе – через чердак – проникли в театр на Таганке, чтобы посмотреть спектакль по пьесе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Возвратился

Д.К., 2006 г.

к своим троюродным тётушкам в Люберцы 19-го августа. От них Дима узнал про путч, про танки около Белого дома. Дима позвонил поэтессе Наталье Рябининой (той, что когда-то руководила в Челябинске литобъединением «Экспресс», но уже давно жила в Москве) и её мужу. Принял ванну, надел чистое бельё и пошёл умирать, защищая Белый дом.

Нам с Димой пришлось пережить и увольнение по сокращению, и работу в киоске «Вечерний Челябинск». Затем мне предложили преподавать шахматы в гимназии № 76, а Диме – работать корректором, а потом и корреспондентом в газете «Лидер». К этому периоду в жизни Димы относятся многие стихи...

От первого инфаркта его спасли. От второго – нет.

В. КАЛЬПИДИ О Д.К.

Д.К. дожил до таких лет, когда почти всем вокруг стало бесповоротно ясно, что ничего из него не вышло. О том, что из него ничего не выходит, думали почти все его знакомые. Явно или тайно, но думали, а некоторые даже знали. Я, во всяком случае, так думал, и сейчас рудиментарная уверенность в этом кружит в моей голове. Но я уже догадываюсь, что Д.К. прожил изумительно свою жизнь. Не чужую и общую (как часто водится), а свою. Деловое общение с ним всегда было катастрофой: сроки рушились, качество хромало.

Помню, как он просто запорол мне корректуру первой «Антологии современной уральской поэзии», «позабыв» прочитать чуть ли не треть книги. Но я продолжал «иметь с ним дела», потому что он был свой. Классический тип гениального русского читателя, иногда перебегающего во враждебный стан писателей. Потому что, согласитесь, читатели и писатели – враги. Один раз, сидя у меня дома, он откровенно рассказал, что вот сейчас влюблен в женщину, что у нее есть ребенок, что она его не любит, но он дал себе и ей слово, что станет содержать ее небольшую семью, ничего не требуя взамен и любя ее на расстоянии, и поэтому ему сейчас очень нужна подработка. Я смотрел на него и думал, что у него с собственным-то «содержанием» не всё гладко... Это была совершенно Достоевская ситуация. Литературные штампы поведения порой пересиливали в нем реальность. Это в простонародье и называется интеллигентностью. С другой стороны, Д.К. изумительно сплетничал – вдохновенно, с фантазией, по-гоголевски, зло, но почти не оскорбительно, что, кстати, большая редкость... Критическую массу стихов, чтобы стать поэтом, т.е. чтобы необратимо повлиять на свою судьбу, а через это и на судьбы других, он недобрал. Он ее попросту не написал, всё время попадая в сюжет из Альбера Камю, где человек до идиотизма (до идеальности) шлифовал первую фразу задуманного им романа, так и не двинувшись дальше неё. У Д.К. были проблемы с идеальностью: он думал, что это величина постоянная, а она всегда – до фривольности временная. С другой стороны: талант придает существующим банальностям блеск и новизну. А гениальность генерирует новые банальности. Д.К. готов был до блеска начищать свои фразы, за блеском не замечая, что их уже кто-то надел, как башмаки, и ушел.

Своей несуразностью, возмутительной негениальностью (а ведь должно было быть наоборот!), своим детским восторгом перед взрослыми вещами и взрослой неповоротливостью перед собственной детскостью Д.К. добавлял в мою, например, жизнь фрагменты достоверности. Определенно двигаясь в никуда, сваливаясь в хаотичное пике, Д.К. между тем всегда выравнивал свой полет и делал это неизящно, но убедительно, пока элементарная физика не отменила его как человека, выведя за пределы даже мнимых чисел. Мы так скучаем по Д.К., так скучаем, что порой кажется, что все происходящее без него не настолько реально, насколько должно быть таковым. Д.К. проходил по Челябинску красной нитью. Проходил на грани вкуса, на грани фола, на грани... В Челябинске обязательно поставят памятник поэтам – всего несколько фигур, одна из которых, в очках, будет стоять на одном колене, тщетно пытаясь завязать шнурок на растоптанном ботинке...